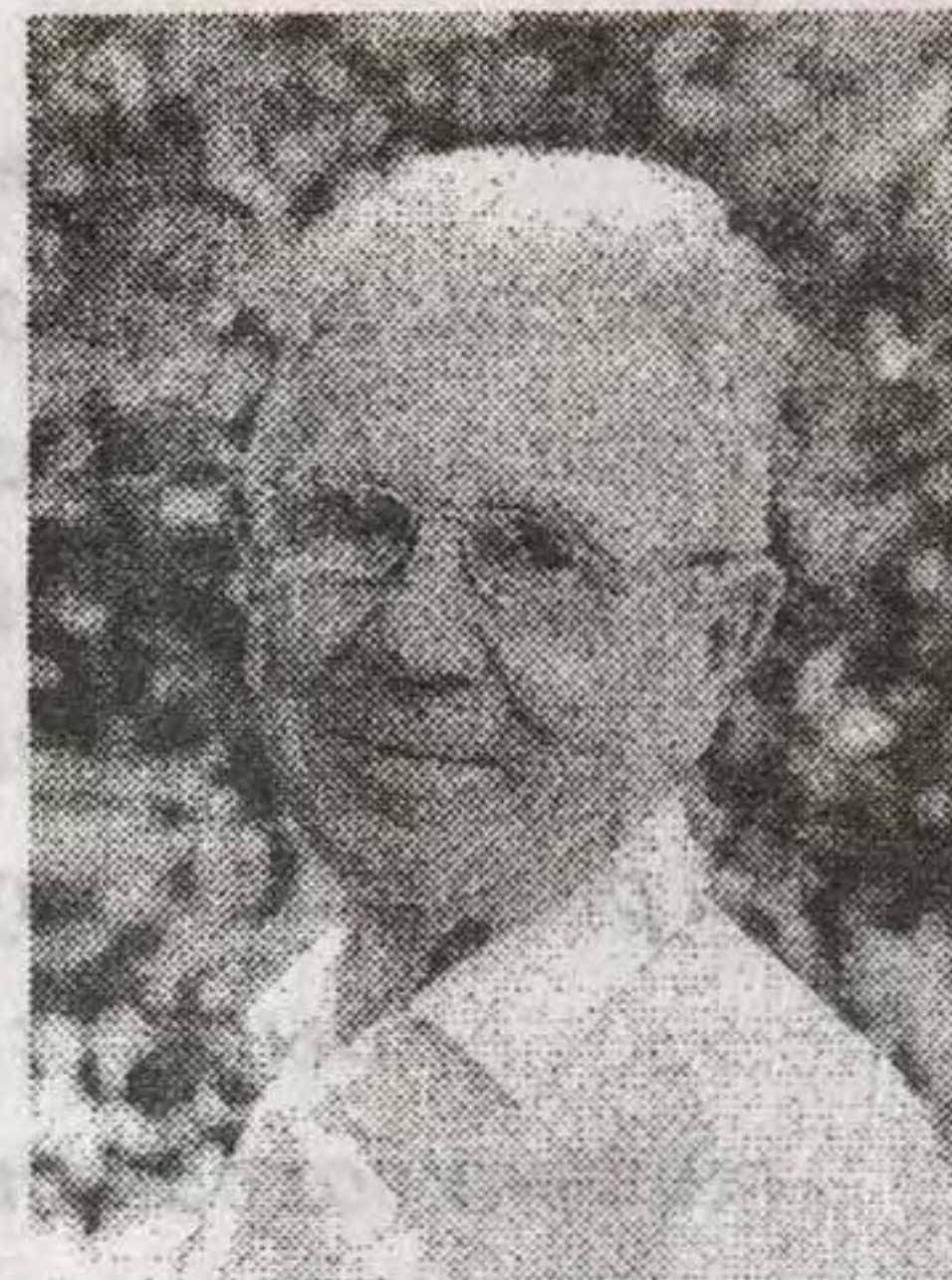

Олег МАСЛОВ

член Союза писателей России

От редакции. Имя Олега Константиновича Маслова стало известно амурским читателям ещё в 50-е годы. С тех пор вышли в свет одиннадцать сборников его стихов и рассказов: «Моя профессия» (1973), «Страда земная» (1975), «Передний край» (1980), «Костёр» (1985), «Лицом к лицу» (1989), «Мой век» (1994), «Избранное» (2002), «Мой крест» (2003) и др. Он член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Его интересы в области литературы и искусства распространяются на всё художественное богатство от Гомера до наших дней (статью «Года изгнания и тоски», посвящённую «Беженской поэме» известного русского писателя Вс. Н. Иванова, читайте в другом разделе альманаха).

А ещё... он врач. И, более того, врач с огромным опытом, кандидат медицинских наук, доцент, основатель анестезиолого-реанимационной службы в Амурской области. В этом довольно удивительном сплетении талантов видится и определённая закономерность: совершенно естественное стремление проникнуть в те глубины и тайны человеческой природы, которые недоступны науке. Вот об этом (хотя и многом другом) стихи, опубликованные ниже. Конечно же, подборка с таким названием, «Школьные годы мои», появилась на страницах нашего альманаха не случайно. Возможно, в скором времени эти стихотворения встанут в один ряд с теми произведениями, которые доньше помогали учителям в воспитании у молодого поколения самых чистых и искренних чувств к родной земле, к русскому человеку, к нашей истории.

Стихи

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ МОИ...

* * *

Когда, впервые взяв «воздушку»,
Я, целясь, обнаружил вдруг,
Что правый глаз не видит мушку, —
В смятенье вверх меня испуг.

Не смех, что выстрел будет зряшным,
Не страх, что зрения лишусь, —
Мне было в то поверить страшно,
Что я в солдаты не гожусь.

Открытие грянуло крушеньем
Всех планов допризывника —
Ведь мы готовили с рожденья
Себя для службы в РККА.

И каждый знал — хоть будет тяжело,
Но звёздный час пробьёт тогда,
Когда на форменной фуражке
Зажжётся красная звезда.

Мы свято армию любили,
За честь считали в ней служить —
Вот потому и победили,
И не могли не победить!

А я всё так же ощущаю,
Встречая нынешних солдат,
Свою вину, хоть и не знаю,
В чём перед ними виноват.

ПРАЗДНИК

Ноябрь. Шестое. Школьный вечер.
Суровый сорок третий год.
Победа так ещё далека,
Но наши двигались вперёд.

И канонада наступленья
В свинцовость жизни тыловой
Вносила радость облегченья,
Вселяла праздничный настрой.

...Зал полон. Речи. Поздравленья.

Упругий туш сменяет марш.

Фронтовики сидят на сцене,

И среди них — историк наш.

Он после тяжких двух контузий

Едва держался на ногах

В полупудовых, заскорузлых,

Не знавших сносу сапогах.

И хоть и не была чужбиной

Ему амурская земля —

Душа рвалась на Украину,

Туда, где вся его семья.

Его любили в нашей школе,

Где он обрёл свой новый дом,

И сторожиха тетя Поля

Ходила за его пайком.

Учитель сам того не ведал,

Как ждал его прихода класс,

Поскольку с ним была Победа

Видней и ближе всякий раз.

Он с непреклонностью солдата

Мечтал ещё вернуться в строй,

Да только вместо автомата

Сжимал костыль постылый свой,

Всегда «последние известья»,

Казалось, раньше всех ловил...

А с фронта все отрадней вести

Летели в наш таёжный тыл.

Но как ни ждал он сводки этой,

А первым встретить опоздал —

Внезапно праздничной ракетой

Она влетела в школьный зал

И обдала сердца людские

Волной свободного Днепра:

— Освобождён сегодня Киев! —

Мы дружно грянули: «Ура!»
А он, вскочив, какой-то высшей
Железной властью поднял нас
И вдруг огромным сапожищем
Как грохнет и... пустился в пляс.
Всё видел, но такого пляса
Я больше в жизни не встречал —
Он так плясал, как будто насмерть
Змею гремучую топтал.
Порядок вечера сломался,
Стоял, примолкнув, школьный зал,
А он слезами обливался
И всё плясал,

плясал,

плясал...

* * *

Всё могу осмыслить в нашем прошлом,
Но одно представить — выше сил:
Как могли когда-то без картошки
Обходиться люди на Руси?

Нынче — ладно, но в сороковые
Скольких нас скосила бы война
На бесхлебье в зимы грозовые,
Если б не кормилица — она!

Как поверить нам, вскормлённым ею,
Что всего-то двести лет назад
Из Европы в качестве трофея
Нёс её суворовский солдат?

Видно, сердце у солдата ныло
О родимом доме там вдали,
Будто знал он, что со слабым тылом
Мы б спасти Отчизну не смогли.

Н

Я помню чудное мгновенье...

А. С. Пушкин

И мне не позабыть мгновенья,
Которое воспел поэт, —
Оно пришло, как озаренье,
В мои ребячьи девять лет:

Я с удивлением заметил,
Что среди всех есть ты одна,
И день свиданием стал светел,
И ночь — разлукою темна.

Я был готов смотреть часами,
Забывшись, на твои черты,
Как на изменчивое пламя
Непостижимой красоты.

Но встречи были так мгновенны —
Их прерывал звонок, как рок,
И целый час до перемены
Вновь длился тягостный урок.

А ты всегда меня встречала
Как равнодушная луна,
И даже не подозревала,
Что жизнь моя тобой полна.

Но легче было умереть мне,
Чем пред тобой открыться в том...
Я прозябал, увы, лишь в третьем,
А ты была уже в шестом.

* * *

И мы по карточкам делили
Бесценный хлеб военных дней,
Но всё же досыта кормили
Своих пожарных лошадей.

И неспроста — Кивда в ту пору
Топила углем весь Восток,
Но и сама была, как порох,
Что ежечасно вспыхнуть мог —

Повсюду искры, брёвна, уголь
И никакой вокруг воды...
Но лошадей ретивых удаль
Рудник спасала от беды.

В любое время дня и ночи,
Набат лишь грянет с каланчи,
Стремглав неслись на красных бочках
В железных касках лихачи.

Мы берегли коней не даром:
Везеньем их и нам везло —
До настоящего пожара
Ни разу дело не дошло.

Но вот однажды утром вешним,
Схватив в рудкоме весь кумач,
На них гонцы вскочили спешно
И по дворам помчались вскачь:

Победу радио вещало,
И день был светом напоён,
И вся Кивда в тот день пылала
Пожаром флагов и знамён.

* * *

В детстве слышал я песенку эту,
Пел калека под грохот колёс:
— Отыскать бы такую планету,
На которой — ни горя, ни слёз...

С той поры во вселенском просторе
Отыскали мы много планет,
На которых – ни слёз и ни горя,
Но и жизни, и радости нет.

Ты одна лишь на свете жилая,
На которой и нам довелось
Попытать своё счастье, желая
Жизнь избавить от горя и слёз.

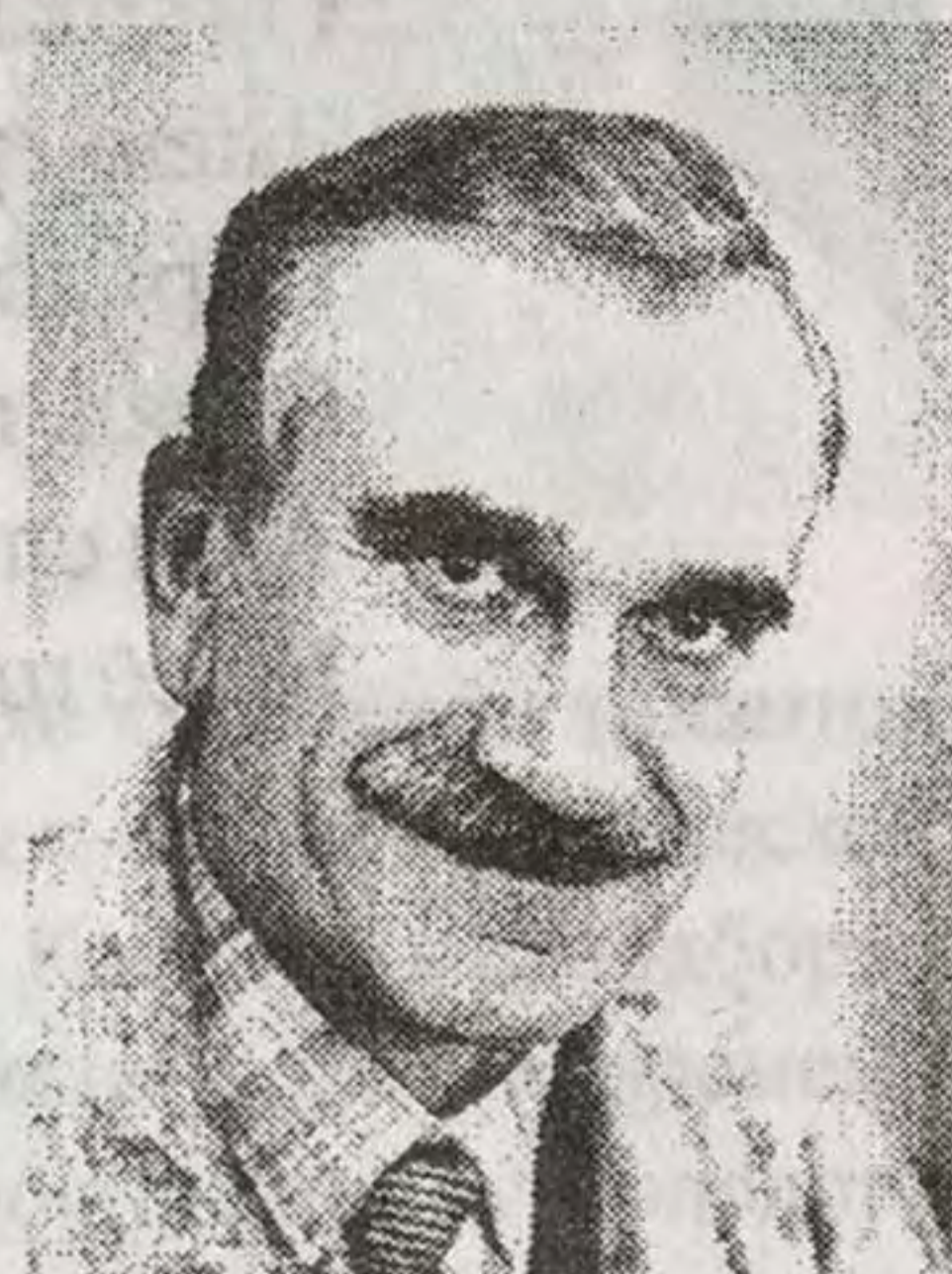
Игорь ИГНАТЕНКО

выпускник БГПИ 1964 года,
секретарь Правления Союза писателей России,
председатель правления областной писательской организации

От редакции. В прошлом номере альманаха мы обещали, что ещё не раз вернёмся к творчеству И. Д. Игнатенко. И сдержали своё обещание. Но только на этот раз известный амурский поэт, автор многочисленных поэтических сборников выступает в роли, не совсем привычной для почитателей его таланта, – в роли прозаика. Правда, это не дебют, и многим уже знакома его повесть «Бег по кругу», опубликованная ещё в 1991 году, но всё-таки она стоит особняком на фоне десяти сборников стихотворений и поэм. Да и звания лауреата Амурской премии в области литературы и искусства Игорь Данилович был удостоен именно за книгу стихотворений «Прощай...»

И вот опять проза – рассказ с характерным названием «После распределения». Его героиня – выпускница пединститута. Памятью она возвращается в далёкие шестидесятые, в ту пору своей молодости, когда студенческие годы уже позади, а впереди вся жизнь: первая любовь... и нелёгкие будни нашей замечательной профессии.

Рассказ

ПОСЛЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Конец марта нынче выдался, и не припомнить такого – сухой, тёплый, залитый солнцем. Синоптики оповестили, что сто лет такой теплоты ранней не бывало. По обочинам дорог, хвойным посадкам, на прошлогодней полевой стерне бродили языкастые палы, выжигая дочерна готовящуюся воскреснуть землю. Даже не верилось, что когда-то в эту пору и бураны бушевали, и морозы трещали, люди в десяти шагах от крыльца родного замерзали. Было, было и такое в моём родном степном селе, особенно ежели по пьяной лавочке мужики отваживались из гостей домой «патюшествовать», как говаривал незабвенный Филька Шкворень в шишковской «Угрюм-реке». Полвека прошло с тех достославных времен.

Да, чего только не бывало...

Собрались мы с женой в гости к стародавним друзьям Поликутиным, Анне и Василию. Без приглашения, просто соскучились по общению, как снег на голову решили обрушиться, коли к нам давно не приходили сами. Нет в природе снега, так мы им будем... Прихватили коробку конфет, рулет бисквитный – чаю попить. Заехали к ним часиков так в пять под вечерок. Вообще-то мысль была уговорить их куда-нибудь на природу податься: надоело в городе, чистого воздуха захотелось.

Василий при нашем появлении подхватился с дивана в зале и, побряхывая от боли в пояснице, потащил постель в спальню. Был он небрит, одет в спортивный старенький костюм. Аня кивнула вдогонку:

– Видали? Ни за что не хочет врача вызывать, валяется с температурой, ни таблеток, ни уколов на дух не принимает. Что ты, говорит, пристала со своей принудиловкой? Видали, принудиловку нашёл... Как же, заставишь его...

Мы посочувствовали Ане, а Василию, зная его упрямый характер, пожелали всё же покориться врачам.

– Как самочувствие? – спросил я друга.

– Нормально. Ничего у меня не болит, – слишком уж спокойно ответил Василий. На лице у него горел нездоровый румянец. Даже обычно пышная шевелюра словно бы поубавилась в объёме, и седина резче проступила. Очки за ненадобностью были оставлены на столе, и лицо словно бы потеряло привычную защищённость.

Должно быть, Анне надоело бесполезно уговаривать мужа принимать лекарства, и она поддалась на наше приглашение поехать за город развеяться да продышаться. Тем более что я предложил отправиться на их дачу – посмотреть, всё ли там в порядке.

– Мы часа на два, – сообщил я другу, заглянув к нему в спальню.

Он только молча кивнул, лёжа на правом боку и закрыв глаза. Никогда я не видел Василия таким обессиленным. Ещё две недели назад, когда я заезжал взять у него свежий журнал «Лёгкая атлетика», который ему присылают из Москвы, он температурил. Но на лекции и практические занятия в университет, тем не менее, ходил регулярно, отделяваясь фразами типа: «Пройдёт, ничего мне не станет...» Когда-то мы с Василием были десятиборцами, первыми в области и далеко не последними на Дальнем Востоке. Здоровья было вагон и маленькая тележка. А теперь вот и тележка не на ходу оказалась.

Аннушка уже топталась в прихожке у нового, светлого дерева, платяного шкафа. Надев коричневое осеннее долгополое пальто поверх толстой вязаной кофты, она плотно застегнулась на все пуговицы. Пошутила:

– Пришёл марток, надевай двое порток...

Учитывая, что за окном было четырнадцать с плюсом, реплика Аннушки и впрямь показалась смешной. Древняя крестьянская мудрость, заложенная в поговорке, не вписывалась в изобару действительности. Что-то